

Мойчи Ямагучи

**Импрессионизм как
господствующее направление
в японской поэзии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я54

Я54 **Ямагучи М.**
Импрессионизм как господствующее направление в японской поэзии / Мойчи
Ямагучи – М.: Книга по Требованию, 2022. – 116 с.

ISBN 978-5-521-39683-2

ISBN 978-5-521-39683-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ автора.

Выпуская въ свѣтъ настоящее изслѣдованіе, въ основу котораго положенъ рефератъ, заслушанный въ первомъ общемъ засѣданіи Русско-Японскаго Общества въ С-Петербургѣ въ Ноябрь 1911 года, нахожу цѣлесообразнымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, предупредить читателя, что предлагаемая книга не представляетъ собою научнаго трактата, такъ какъ она предназначена не для специалистовъ, а для болѣе или менѣе широкой публики, которая, можетъ быть больше интересуется эстетическимъ вопросомъ о поэтическихъ формахъ творчества вообще, чѣмъ спеціальными историко-филологическими вопросами, связанными съ разсматриваемой мною отраслью японской литературы.

Пользуюсь случаемъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя оказали мнѣ то или иное содѣйствіе въ подготовленіи настоящаго моего скромнаго вклада въ небольшую еще въ Россіи литературу по японовѣдѣнію. Здѣсь прежде всего я долженъ назвать *Николая Петровича Евстифѣева* за его постоянныя и многочисленныя указанія и содѣйствіе, а еще болѣе, за оказанную имъ моральную поддержку, *Маргариту Михайловну Янковскую* (урожд. Шевелеву), при матеріальной поддержкѣ ко-

торой издана эта книга, господина *Оои* — за помощь въ выборѣ японскихъ оригиналовъ, а также прив.-доц. Спб. Университета *Алексѣя Ивановича Иванова* и преподавателя японскаго языка при Спб. Университетѣ господина *Иосибуми Куроно* за нѣкоторыя полезныя указанія, которымъ всѣмъ я приношу здѣсь мою искреннюю благодарность.

8 Декабря 1912.

С.-Петербургъ.

Если творчество каждой народности опредѣляется очень сложной конъюнктурой условій жизни, расовыхъ особенностей и историческихъ случайностей, то, несомнѣнно, для того, чтобы хотя немного проникнуть въ область художественной жизни народа, необходимо учесть эту обусловленность всѣхъ ея проявленій.

Съ этимъ особенно приходится считаться, когда мы сталкиваемся съ творчествомъ народа совершенно чуждаго нашей культурѣ, творчество котораго выросло среди принциповъ и методовъ безконечно далекихъ отъ нашихъ понятій.

Къ такимъ страннымъ, вполне экзотическимъ для европейца, цвѣтамъ принадлежитъ и Японская поэзія.

Европеецъ, знакомясь съ ней, становится въ тупикъ, если онъ недостаточно воспріимчивъ къ тонкимъ и разнообразнымъ проявленіямъ эстетической *сущности* чловѣка. Ему покажется страннымъ, что эти строки, не имѣющія совершенно ничего общаго съ его понятіями о формахъ поэзіи, называются стихами и, даже болѣе, что ими восторгаются. А между тѣмъ среди нихъ дѣйствительно такъ много прекрасныхъ жемчужинъ, которыя только нужно вставить въ подходящую оправу, чтобы онѣ показались не только не странными, но въ причудливости своей иногда удивительно красивыми, какъ тѣ странныя вещицы, которыя привозятся съ далекаго Востока!

Странность, вѣрнѣ своеобразность Японской поэзіи, которая такъ поражаетъ европейца съ перваго взгляда, имѣетъ своимъ основаніемъ нѣсколько причинъ.

Первою между ними, мнѣ кажется, являются психологическія особенности японской расы: съ одной стороны бѣлая, по сравненію съ европейцами, близость къ природѣ, любовь къ ней, что безъ сомнѣнія въ свою очередь является отчасти результатомъ климатическихъ и, вообще, географическихъ условій. Тонкая наблюдательность, живость дѣлаетъ японца человекомъ легко поддающимся впечатлѣніямъ естественной жизни, которому врядъ ли нужны острыя возбужденія или грандіозныя драмы для того, чтобы возбудить въ себѣ поэтическое чувство. Съ другой стороны—и это очень важно—отсутствіе, или по крайней мѣрѣ малое развитіе, по сравненію съ европейцами, склонности къ самоуглубленію, къ синтезу, къ абстракціи, и наоборотъ интересъ къ деталямъ. При этомъ замѣчательно обостренная склонность къ непосредственному реагированію. Кромѣ того картинность воображенія, мышленіе конкретными образами, большая эмоціальная подвижность. А главное—громадная чуткость ко всему красивому!

Здѣсь, быть можетъ, имѣло значеніе и то условіе историческаго характера, что въ поэтическомъ творчествѣ Японіи громадную роль играла женщина, внося присущіе ей элементы—любовь къ деталямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящество и мягкость. Этимъ можно отчасти объяснить, что, хотя поэзія въ Японіи, какъ вездѣ въ свое время, расцвѣтала при дворахъ разныхъ властителей, но она совсѣмъ не обращаетъ вниманія

на военную жизнь; напротив того, военные подвиги являются въ ней не иначе, какъ въ одѣяніи безконечной тоски и печали.

Всѣ эти условія вмѣстѣ съ особеннымъ характеромъ японскаго языка *) и создали ту отличительную черту японской поэзіи, ту „школу“, къ которой въ Европѣ пришли лишь такъ недавно, а именно—импрессионизмъ.

Это-то обстоятельство, т. е. что въ Европѣ до него именно „дошли“ черезъ рядъ сложныхъ градацій, между тѣмъ, какъ въ Японской поэзіи импрессионизмъ является вполне самобытнымъ и существуетъ съ того момента, какъ только появилась сама поэзія, показываетъ, съ одной стороны, отличительную черту японской поэзіи, извѣстную поэтическую утонченность народа, а, съ другой стороны, заслуживаетъ, если не изученія, то во всякомъ случаѣ вниманія съ нашей стороны.

Въ предисловіи Ши-цзина, китайскаго сборника древнѣйшихъ стихотвореній, который, какъ говорятъ, былъ редактированъ самимъ Конфуціемъ, говорится:

„Поэзія есть плодъ стремленій человѣческой мысли; находясь въ душѣ, мысль есть стремленіе, а проявляясь

*) Особенность японскаго языка состоитъ въ томъ, что онъ требуетъ, чтобы въ концѣ каждаго предложенія стояло сказуемое въ глагольной формѣ, но такъ какъ окончаній ихъ немного то при длинномъ рядѣ строкъ получается невыносимая монотонность.

(Подробности см. въ Лекціяхъ по Исторіи Японской литературы „Коку-бунгаку-си дзюк'ко“ проф. Хага Яичи стр. 16).

Быть можетъ немаловажную роль сыграло вліяніе Китайской поэзіи, вообще, а въ частности Танской, которая является вполне импрессионистической.

въ словѣ — это стремленіе становится поэзіей. Когда въ душѣ шевельнется чувство, то оно проявляется въ словѣ; когда же слово оказывается недостаточнымъ, то прибѣгаютъ къ вздохамъ, при недостаточности послѣднихъ начинаютъ распѣвать *), т. е. говорить на распѣвъ стихи!“

Это вполне подходитъ къ характеристикѣ также и японской поэзіи.

Почти тоже, но нѣсколько иными словами, говоритъ Ки-но-Цураюки, поэтъ X-го столѣтія, издатель сборника стихотвореній, извѣстнаго подъ заглавіемъ Кокин-сю.

Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи **) къ послѣднему: „Когда ихъ радость была чрезмѣрна: когда ихъ сердца переполнялись удовольствіемъ; когда они чувствовали, что любовь ихъ вѣчна, какъ дымъ, который поднимается съ горы Фудзи; когда они тосковали по другѣ, при печальномъ стрекотаніи цикады; когда они думали о давнопрошедшихъ дняхъ мужской силы, или съ завистью вспоминали бывшее время дѣвичьяго расцвѣта,—поэзія утѣшала ихъ сердца. Далѣе, когда они смотрѣли на цвѣты, осыпающіеся со стеблей въ весеннее утро, или слушали паденіе листьевъ въ весенній вечеръ, или каждый годъ опла-

*) Отрывокъ заимствованъ изъ „Записокъ по китайской литературѣ“ проф. П. С. Попова (имѣются только въ рукописномъ видѣ).

**) Этотъ отрывокъ написанный замѣчательно красивымъ языкомъ, который можно, пожалуй, сравнить съ языкомъ Тургенева, въ его стихотвореніяхъ въ прозѣ: „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“ — представляетъ собою намеки на различныя, хорошо извѣстныя японцамъ стихотворенія.

кивали снѣгъ и волны (т. е. сѣдые волосы), отражаемые зеркаломъ, или видѣли росу на травѣ, или пѣну на водѣ,—они содрогались, узнавая въ нихъ эмблемы своей жизни. Или когда они, вчера еще наслаждавшіеся всей гордостью своего благополучія, сегодня, съ поворотомъ судьбы, видѣли себя обреченными на жалкую жизнь и друзья сторонились отъ нихъ, или когда они созерцали нижніе листы осенняго хаги, или считали сколько разъ куликъ чистить свои перья на разсвѣтѣ, или сравнивали родъ человѣческій съ причудливыми бамбуковыми суставами, или выражали свое отвращеніе къ грязному міру при мысли о чистой рѣкѣ Іосино, или внимали тому, что дымъ съ горы Фудзи не поднимается болѣе, во всѣхъ такихъ случаяхъ они утѣшали поэзіей сердца свои“ *).

Говоря другими словами: душа поэта полна чувствъ и впечатлѣній только что пережитыхъ и воспринятыхъ, которыя неудержимо рвутся наружу, и поэтъ, не имѣя силъ бороться съ ними, выливаетъ ихъ въ красивыхъ звукахъ стиха, въ которомъ нѣсколькими словами онъ рисуетъ своеобразную картину впечатлѣній пережитаго. Этотъ приѣмъ, которымъ пользуются японскіе поэты въ своихъ произведеніяхъ, позволяетъ мнѣ отнести ихъ къ разряду произведеній импрессионистическихъ.

Я бы такой видъ импрессионизма назвалъ, если такъ можно выразиться,—рефлексивно-лирическимъ.

Онъ имѣетъ близкое родство съ живописью того же японскаго народа, съ тою японскою живописью, которая въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей от-

*) Астонъ „Исторія Японской литературы“ переводъ В. Мендрина. Изд. Восточнаго Института (стр. 45).

части дала толчокъ началу импрессионизма въ живописи въ Европѣ.

Какъ эти небольшія картинки японскихъ мастеровъ, набросанныя иногда всего лишь нѣсколькими небрежными, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительными штрихами, которыя какою нибудь ничтожною мелочью достигаютъ поразительныхъ эффектовъ, чарующихъ впечатлѣній, вызываютъ тихое настроеніе и смотря на которыя хочется остановиться и помечтать, такъ и произведенія японской поэзіи только нѣсколькими словами, намеками даютъ красивую картину мимолетной повѣсти человѣческой души.

Природа и человѣкъ вотъ двѣ сущности, приходящія въ различныя соотношенія, чтобы проявить всю свою красоту въ Японской поэзіи.

Она безконечно далека отъ той активности, которой отличается творчество другихъ народовъ: японское стихотвореніе статично. Оно даетъ только, повторяю, картину впечатлѣній, отнюдь не симфонію, если сравнить съ музыкой, даже не мелодію, а лишь нѣсколько гармоничныхъ и по большей части минорныхъ аккордовъ, которые въ своихъ причудливыхъ сочетаніяхъ такъ красивы и говорятъ такъ много, что могутъ замѣнить многое!

Какъ вообще импрессионистическое произведеніе требуетъ читателя вполне подготовленнаго, такъ въ особенности эти стихотворенія требуютъ читателя, богато одареннаго чуткостью, чтобы одинъ намекъ, одинъ малѣйшій оттѣнокъ выраженія рисовалъ въ умѣ цѣлую картину переживаній. Поэтому-то такъ трудно раскрыть всю ихъ безконечную красоту, ихъ свѣжесть

и неисчерпаемое богатство природы, отраженіемъ которой они являются!

Для того, чтобы сдѣлать ихъ доступными, хотя до нѣкоторой степени, я считаю необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ указать прежде всего ту обстановку или тѣ причины, которыя вызвали автора на стихотвореніе. Иначе самыя лучшія жемчужины японской поэзіи могутъ остаться совершенно непонятными и неоцѣненными.

* ❁

Японцы считаютъ родоначальникомъ своей поэзіи бога по имени Хая-Сусаново. Вотъ что разсказывается въ Кодзики (такъ называется первая японская лѣтопись).

Богъ Хая-Сусаново, будучи изгнанъ съ небесъ на землю за свои дурные поступки по отношенію къ своей сестрѣ Аматерасу, богинѣ Солнца, шелъ по берегу рѣки въ провинціи Идзумо и увидѣлъ плывущую палочку для ѣды.

Божественный Хая-Сусаново, думая, что гдѣ нибудь выше по рѣкѣ должно быть человѣческое жилье отправился на поиски его и дѣйствительно вскорѣ нашелъ хижину. Когда онъ вошелъ въ нее, то увидѣлъ плачущихъ старика и старуху и съ ними молодую дѣвушку. Онъ спросилъ, отчего они плачутъ. Старикъ отвѣчалъ: „У меня было восемь дочерей, но каждый годъ приходитъ восьмиглавый змѣй изъ Коси и пожираетъ ихъ. Теперь какъ разъ наступаетъ время его прихода, оттого мы и плачемъ“. Тогда Сусаново велѣлъ сварить вино восьмимѣрной силы, а также сдѣлать кругомъ хижины ограду съ восьмью проходами

и у каждаго прохода поставить чашку съ виномъ. Приготовивъ все это, стали ждать. Восьмиглавый змѣй не замедлилъ вскорѣ прійти и немедленно же сталъ лакать вино. Поочередно всѣ восемь головъ наладились у восьми разныхъ воротъ и опьянѣли и въ опьяненіи заснули. Тогда Сусаново выхватилъ свой божественный мечъ и разрубилъ змѣя на восемь кусковъ.

Такъ была спасена дѣвушка; родители ея, будучи глубоко благодарны Сусаново за спасеніе своей дочери, выдали ее за него замужъ.

Строя домъ для себя, онъ въ избыткѣ радости пропѣлъ слѣдующую пѣсню—стихотвореніе.

*Я кумо тацу
Идзумо яз-гаки
Цума-гоми ни
Яз-гаки цукуру
Соно яз-гаки во*

Это стихотвореніе комментируется японскими авторами различно; въ своемъ переводѣ я руководствовался исключительно толкованіемъ Мотоори Норианага.

Переводится оно приблизительно такъ:

„Ахъ, облака поднимаются! Эти поднимающіяся облака напоминаютъ собою многорядныя ограды, которыя я строю для себя и жены. Многорядныя ограды строю я, вотъ эти многорядныя ограды“! *)

*) Чтеніе заимствовано изъ „Кодзики-дэнъ“ Мотоори Норианага. Книга 9-я. Въ „Нихон-се-ки“ вмѣсто „цумагоми-ни“ написано „цумагоме-ни“.

Слово „я“ — Мотори толкуетъ, какъ восклицаніе, и говоритъ, что оно соответствуетъ въ современномъ языкѣ словамъ: